

НАТАН ХАРРИС

АМИТИ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

X21

Nathan Harris

AMITY

Copyright © Nathan Harris, 2025

By arrangement with the author

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора.

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Павла Смирнова

Серийное оформление Татьяны Гамзиной-Бахтий

Оформление обложки Михаила Корнилова

Харрис Н.

X21 Амита : роман / Натан Харрис ; пер. с англ. П. Смирнова. —
М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 368 с. —
(Сага).

ISBN 978-5-389-30492-5

1866 год, Новый Орлеан. После Войны Севера и Юга рабство официально отменено, но для многих чернокожих ситуация не изменилась. Бывшие рабы, брат и сестра Коулман и Джун, остались жить у прежних хозяев, высокомерных Харперов... Спасаясь от послевоенной разрухи и надеясь разбогатеть на серебряных рудниках, хозяин отправляется в Мексику, прихватив с собой Джун, и оставляет Коулмана обслуживать его жену и дочку. Однако через два года от Харпера приходит письмо с требованием доставить хозяйку дома и ее дочь к мужу, и юноша сопровождает их на этом опасном пути.

Дорога до Мексики оказалась долгой, а море и пустыня — одинаково безжалостными. Коулману приходится спасаться от убийц, которые преследуют его по пятам. Единственное убежище — таинственное поселение Амита, где беглые рабы строят новую жизнь. Но прошлое не отпускает, и путь к свободе оказывается опасным и долгим.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-30492-5

© П. А. Смирнов, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

I

Новый Орлеан, 1866 год

В моей жизни было мало радостей, которые я мог бы называть целиком своими. Был покой, который я обретал на чердаке, отведенном мне для жилья, удовольствие от путешествия с книгами из библиотеки миссис Харпер, вкус сладкого хлеба, который я покупал на свое жалованье в соседней пекарне каждое воскресенье, в свой выходной. Но все это меркло в сравнении с радостью, которую доставлял мне Оливер — терьер, которого я считал своим и полагал самым сообразительным и верным товарищем, которого только можно было пожелать.

Оливер принадлежал Флоренс, дочери миссис Харпер, но опекал его главным образом я, и во всех остальных отношениях он был моим. Флоренс держала его на привязи у сарая во дворе дома, и каждое утро я приветствовал его миской корма, который делал сам из свеклы, остатков печенья с предыдущего вечера и здоровой порции овощей — все это вместе составляло блюдо, не уступавшее моей собственной еде. Пес ждал меня, и из-за почти незаметного клока шерсти, висевшего на морде и разделявшегося вокруг рта, казалось, будто он улыбается моему приходу. У него была рыжая шерсть, усыпанная белыми пятнами, короткая, но курчавая, а лапами он вечно норовил дотянуться до рук или груди, словно хотел поздороваться рукопожатием. Ростом он не доходил мне до колена и любил лежать на руках не меньше, чем бегать по земле. Он был удивитель-

но силен. Всякий раз, когда он начинал радостно прыгать, жердь, к которой его привязывали, начинала ходить ходуном, и я никак не мог отучить его от этой привычки, сколько ни старался.

Когда я вышел к нему сегодня, наш сосед, мистер Клейборн, у себя во дворе уже подглядывал за садовником, требуя от его работы недостижимого совершенства. Прежде чем поставить миску на землю, я помахал мистеру Клейборну рукой, но он не ответил.

Этот момент общения с Оливером давал мне силы, приободрял перед делами, которые вскоре потребуют моего внимания: убраться во всем доме, приготовить ужин для миссис Харпер и Флоренс, хлопотать вокруг миссис Харпер, пока она без сил лежит на тахте, пораженная какой-нибудь болезнью, которую ей вздумалось у себя найти.

Распорядок дня определял не я. Теперь, когда война закончилась, я получил свободу, но в услужении у миссис Харпер все равно оставался прикованным к ней во всех отношениях, о чем она постоянно намекала мне нескончаемыми просьбами о помощи. Вот и эта встреча с Оливером прервалась рано, потому что я услышал, как меня уже зовут из дома.

— Коулмен! Коулмен! Пожалуйста! — вопила миссис Харпер.

Даже мистер Клейборн и садовник занервничали, услышав ее голос. Я уже приготовил для нее и Флоренс завтрак и убрал со стола после него, поэтому расстроился, когда оказалось, что мое внимание требуется ей уже сейчас, без малейшей возможности для передышки перед началом дня. Но жаловаться даже самому себе было бесполезно. Услышав зов, я встал и отряхнул пыль с брюк, а вернувшись на кухню, заметил приглушенный свет газовой люстры в гостиной в конце узкого коридора, открывшегося передо

мной. Пол гремел при каждом моем шаге, и миссис Харпер это слышала. Как всегда.

— Поставь чайник, — сказала она, и я исполнил распоряжение.

Дом был древний и когда-то принадлежал отцу миссис Харпер, а до него — его отцу. Большие двустворчатые окна занимали всю стену столовой и отбрасывали в коридор такой резкий свет, что можно было видеть, как пыль кружится в воздухе, словно в настоящем танце. В передней над широкой лестницей висели семейные портреты — внешне мужчины были настолько похожи, что я был не вполне уверен, знает ли сама миссис Харпер, кто из них кем ей приходится.

А вот и она сама развалилась на тахте с таким видом, будто вот-вот соскользнет без сил на пол, и все время стонет. Камин в другом конце комнаты не топили с зимы, а на полке над ним стоят предметы, которые миссис Харпер приказала мне упаковать перед бегством из Батон-Ружа два года назад. Эти старинные вещи — бронзовую статую трех чернокожих мавров и кинжал с серебряной рукояткой — подарил своей жене мистер Харпер, и она с любовью смотрит на них всякий раз, когда подходит к камину, обычно под предлогом протирки от пыли, но мне казалось, что в ее глазах это было последнее, что связывало ее с мужем, и дотронуться до них означало для нее еще раз почувствовать его присутствие.

— Миссис Харпер, как вы себя чувствуете?

— Тебе виднее, Коулмен.

— Вы, как всегда, выглядите здоровой, мэ. Прямо-таки сияете.

— О!

Она поднесла ладонь к сердцу, потом бессильно уронила ее, растопырив пальцы, после чего положила обратно на массивный живот. Хотя она и предпочитала не вставать

с постели, настигавшие ее приступы всегда оставляли место для неожиданностей в том смысле, что было трудно предсказать, где она решит прилечь на этот раз. Иногда это бывало в гостевой комнате на втором этаже, а могло случиться и на кухне, где она могла повалиться на столешницу, налив себе стакан воды — предварительно заметив краем глаза, что я прохожу мимо, чтобы помощь не запоздала.

Ставни она закрывала наглухо, чтобы печальный желтоватый свет газовой люстры еще больше подчеркивал ужас ее положения. Театрально, но в этом и была вся миссис Харпер, и, если бы эти обстоятельства не сочетались, я бы мог решить, что ей и в самом деле нездоровится.

— Флоренс снова улизнула в парк с этим недоумком, — произнесла миссис Харпер.

— Хью, — напомнил я.

— Хью. Какой эгоизм с ее стороны — оставить меня одну на весь день. И это всего лишь из-за любви к мальчишке, которому недостает ума даже замечать знаки ее внимания.

— Она скоро вернется. Она знает, что нельзя пропускать ужин.

— До этого еще несколько часов. Я же не идиотка, Коулмен. Я знаю, что ты пытаешься меня успокоить. Но когда тебе приходится прибегать ко лжи... это не только неспособность исполнять свои обязанности, но и оскорбление.

Я извинился, понимая, что проку в этом никакого. Ее привязанность к Флоренс стала необычайно сильна после того, как мистер Харпер покинул дом и отправился на землемерные работы в Мексику, откуда так и не вернулся. Этот разрыв повлек за собой все остальные, потому что женщинам больше не на кого было опереться. Теперь Флоренс достигла брачного возраста и отчаянно желала покинуть дом, в результате чего между дамами сложилось своего рода неудачное равенство: желание матери не отпускать

от себя дочь уравнивалось желанием дочери оказаться подальше от матери. Эти несовместимые эмоции только усиливались, и для обеих такое положение дел было невыносимо, что вело к озлоблению, ненависти друг к другу и нарастающему конфликту, которого я всеми силами старался избегать.

Палец миссис Харпер отстукал по груди ритм незнакомой мелодии, а ее косметика в комнатном свете придавала лицу необычную бледность. Если не считать Флоренс, никто не знал ее лучше меня. Я принадлежал ей и мистеру Харперу до девятнадцати лет и, получив свободу, остался без гроша за душой, да и податься мне было некуда, поэтому я остался при ней уже как слуга, но с теми же обязанностями, что исполнял и до войны. Меня отняли у матери еще мальчиком. Теперь, кроме этой женщины, у меня никого не осталось, и я прекрасно понимал, что в такие времена, когда тяготы пустой жизни становились для нее невыносимы, когда кости и внутренние органы терзала боль от долгого отсутствия мужа, от ужаса неизбежного взросления дочери, от скорби по умершим родителям, в чем доме она теперь жила, она найдет мне применение — даст мне какую-нибудь задачу, которая поможет облегчить бремя, тяготившее ее.

Чайник наконец подал голос.

— Мои туфли у сапожника, — сказала она. — Я бы хотела, чтобы ты их принес. Как можно скорее.

— Отличная идея, — ответил я, перекрикивая чайник, как будто в доме других проблем не было.

— И возьми с собой Флоренс. Она знает работу этого сапожника, и у нее хватит смелости сказать ему, если качество будет недостаточно высоким. Ты для этого слишком робок, Коулмен. Мы оба это знаем.

Я постарался взять себя в руки, потому что по причинам, пока не описанным, Флоренс презирала меня еще сильнее, чем собственную мать. Но в моем положении спорить не приходилось. Было только одно предложение, на которое я надеялся получить положительный ответ. То, которое я всегда делал перед выходом из дома.

— Можно взять с собой Оливера? — спросил я.

Рука миссис Харпер поднялась и вяло дрогнула несколько раз, не то отмахиваясь от меня, не то отмахиваясь от самой мысли, будто такая мелочь может иметь значение. Я приготовлю ей чай. А потом заберу Оливера от сарая.

* * *

Воздух был влажный и неживой, и в такой жаре сквозь него приходилось брести, потому что густотой он напоминал патоку. Наша улица была тихая, и, хотя официально мы жили за пределами Гарден-Дистрикт¹, на ней царил тот же парадный дух — что не мешало миссис Харпер очень злиться, что ее отодвинули на задворки городской аристократии. В этот час на улицах обычно было пусто, не считая какой-нибудь компании женщин, собравшихся вместе на прогулку, или, может быть, няньки с коляской, поэтому мне показалось странным увидеть в этот самый момент на другой стороне улицы мужчину, который смотрел прямо на меня. Он сидел на спинке парковой скамейки, поставив ноги туда, где обычно принято сидеть. Оливера я нес на правой руке. Даже он попытался залаять.

— Оливер, — пробормотал я.

Мужчина внимательно разглядывал меня. Он был, наверное, вдвое старше меня, лысая голова была самым во-

¹ Гарден-Дистрикт — исторический богатый жилой район в Новом Орлеане. — *Здесь и далее прим. перев.*

пиющим образом лишена шляпы, словно он что-то хотел этим сказать. Он курил сигарету, и я видел, как при каждой затяжке его щеки втягивались, подчеркивая очертания челюстей. Если подобное действие могло выглядеть угрожающим, то именно так оно и выглядело. Я знал людей вроде него — обычно их можно увидеть в сумерках в темном переулке или последними посетителями пивной, которых сторонился даже бармен. Опыт научил меня, что лучше всего просто кивнуть таким людям и больше не обращать на них внимания, как я и решил поступить в этом случае, даже чуть улыбнулся ему, а потом повернулся, вышел на улицу и отправился своей дорогой.

Мне это показалось смутно тревожным, возможно странным, но вовсе не беспокоило. Потому что я направлялся туда, где этот человек был бы совершенно на своем месте, и, возможно, он просто ошибся улицей, когда решил отдохнуть. Безусловно, красота Нового Орлеана заключалась в пестром разнообразии населявших его людей — бездельников и жуликов, попрошаек и лоточников. Мне они представлялись чем-то вроде капель вина в соусе, родинки на лице прекрасной женщины — теми мелочами, которые погружают тебя в мечты. Сонный обычно мир на миг раскрывает свои контрасты, свои странности и неожиданно обретает полноту жизни. На Фелисити-стрит я увидел господина в безупречно отглаженном атласном жилете, сверкавшем на солнце. Он шел, постукивая тростью, и на лбу его не было ни капельки пота, а наряд был безупречен. А позади него шла компания, в которой я сразу узнал местных — маляров, вышедших на обед в одежде, заляпанной красками всевозможных оттенков. Они смеялись так заливисто, что едва не роняли бутерброды, которые держали в руках.

— Коулмен, как дела? — спросил один из них, когда я оказался рядом.

— Невежливо обращаться к нему раньше, чем к его собаке, — подхватил второй.

— Ну, пес-то доволен жизнью, — сказал первый, погладив Оливера по голове, когда мы проходили мимо.

Я кивнул им и поздоровался, прекрасно зная, что они скажут точно то же самое, когда я пройду мимо в следующий раз. Это уже превратилось в ритуал при встрече. Тем временем на другой стороне улицы торговец фруктами разглядывал свой товар с таким же вниманием, с которым я читал хорошую книгу из библиотеки миссис Харпер, а стайка мальчишек донимала торговца, катившего тележку со сладостями, умоляя угостить их бесплатно. Едва можно было расслышать собственный голос из-за стука копыт, криков прохожих и мальчишки-газетчика и нищего трубача, который подвергался насмешкам каждый день за резкие звуки, которые издавал, и за полное неумение играть на трубе, хотя я точно знаю, что хозяин «Астера» всегда кормил его супом после заката — заслуженное проявление жалости.

Я приближался к Колизеум-Сквер. Жара к этому времени стояла невыносимая, и мой платок промок от частого использования. Но я уже заметил Флоренс. Я опустил Оливера на землю и, хотя он тоже ее заметил, должен сказать, что он оставался рядом со мной, пока мы к ней приближались.

Фонтан у нее за спиной переливался на солнце, его пена цвета слоновой кости напоминала перья, будто у Флоренс вот-вот вырастут крылья.

— Какого черта вы здесь делаете? — она посмотрела на Оливера, на меня, потом обернулась к Хью, который как раз встал, чтобы подойти ко мне.

— Ваша матушка просила меня сходить за вами.

— Я не хочу, чтобы за мной ходили.

— А... Но дело уже сделано.

Лицо ее выглядело удивительно юным. Пухлые щечки, брови домиком, как у ребенка, у которого отобрали игрушку, рыжие локоны ниспадали по бокам от лица и на лоб изящными колоннадами. А еще она была довольно дородная, и если бы я захотел сделать ей комплимент, то упомянул бы о значительной харизме, которую она привносила, стоило ей войти в любую комнату, об огромной тени, которую отбрасывает ее личность, об очаровательной живости, недоступной большинству женщин даже в лучшие времена. А еще она умела обескуражить человека одним взглядом, порой невзначай брошенных слов. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы отметить, что в этот самый момент ее глаза представляли собой пару узких щелочек, излучавших презрение. Я чувствовал, что чахну под ее взглядом, и, пожалуй, тело мое могло бы и не выдержать, если бы Хью не подошел поближе, вынудив Флоренс проявить хоть какое-то подобие радости от этой неожиданной встречи.

— Пожалуйста, дай нам минутку, — сказала Флоренс, разрешив ему сначала погладить Оливера.

— Какой чудесный малыш, — произнес Хью. — Если бы знал, взял бы с собой Мону.

— Думаю, для малыша Оливера сейчас слишком жарко. Не знаю, чем думал Коулмен, — ответила ему Флоренс.

Это утверждение было совершенно возмутительным, поскольку Оливер прекрасно переносил жару и, в конце концов, это по ее настоянию его держали на привязи на улице рядом с сараем, хотя ничто не мешало ей запустить его в дом. Вранье было лишь частью плана вывести пса на первый план: в голове Флоренс возникла идея, что, если собака Хью и Оливер — оба хорошей породы — принесут приплод, это послужит символом их с Хью будущего союза.

— Я не пойду, — заявила она.

— Миссис Харпер будет недовольна. Едва ли вам понравится, если она будет злиться за ужином.

— Матушка будет злиться, как бы я ни поступила, и ты это знаешь. Я бы хотела исцелить терзающий ее недуг, каким бы он ни был, но не могу, и, если мы принесем ее туфли, это ничего не изменит. К тому же, Коулмен, это придется сделать тебе. Я останусь здесь. С Хью. Полагаю, ты бы и сам хотел остаться.

— Остаться здесь? С Хью? — Предмет нашего разговора тем временем со смехом тыкал пальцем в бегавшего по парку за голубями парня с раскрашенным лицом и аккордеоном на груди. — Полагаю, вы ошибаетесь.

— Ну, может быть, не с Хью, — вздохнула она. — Но он — это способ выбраться из этого дома, подальше от матушки и ее чепухи...

Она выпятила нижнюю губу, демонстративно вздернула подбородок, и в этот миг я невольно снова увидел упрямую девчонку, которая так нравилась мне в прошлой жизни.

Ранний период нашего знакомства, когда я впервые появился в семье, вспоминается с трудом. Я хорошо помню лишь то, что меня подарил на свадьбу миссис Харпер ее отец, продав вместе с моей сестрой Джун, и меня сразу пристроили к делу, потому что состояние мистера Харпера было явно более ограниченным, чем он счел нужным сообщить семейству миссис Харпер, и его доходы едва оправдывали щедрость его расходов. Меня часто одалживали горожанам, которым требовалась помощь, будь то работа в поле, на кузнице или на козлах повозки, развозившей товары по заказам какого-нибудь местного агента. Я никогда не знал, что принесет мне следующий день, а мистер Харпер был настолько угнетен положением своих дел из-за войны, что вечно пребывал в раздражении.

Единственной передышкой бывала свобода, которую я обретал по вечерам, когда мы с Джун могли расслабиться в своем жилище — наши кровати стояли рядом в подвале, в самом укромном месте. Паутина лежала толстыми слоями на поломанных стульях и заброшенных детских игрушках Флоренс. Повсюду валялись кофры с оборудованием мистера Харпера, и мы часто открывали их и наделяли каждый инструмент волшебными свойствами. Например, способностью перенести нас в другое место или сделать невидимыми. Так было легче на время забыть о своем незавидном положении.

Каким бы темным и затхлым ни был этот подвал, для нас он всегда оставался домом, где любые формальности можно было сбросить, словно оковы, где мы могли дышать свободно, где мы, иными словами, могли быть просто братом и сестрой. Но около полуночи, когда наш мир затихал, мы нередко слышали скрип на лестнице, видели над ступеньками подол ночной сорочки, и перед нами появлялась собственной персоной Флоренс, которая никак не могла уснуть и слушала, как мы переговариваемся шепотом. Она уверяла нас, что ее родители нас не услышат, и, боясь остаться дома в одиночестве, хотела немного побыть с нами.

Что ж, дом принадлежал ей. Она могла ходить где ее душе было угодно. Девочки обменивались рассказами... или сплетнями: Флоренс рассказывала, что происходило с ней в школе, а Джун — о гостях, которые побывали в доме за день. Я наблюдал за ними со своей кровати и находил это зрелище необычным: две девочки, бесконечно хихикающие в тени, и в окружавшей их темноте нетрудно было представить себе, что это сестры.

Тогда я осмеливался предполагать, что мы трое останемся близки надолго, но по прошествии времени глупость этих предположений становится совершенно очевидной.

Потому что мистер Харпер сыграл разрушительную роль, вскоре разлучив нас друг с другом и превратив привязанность в ненависть. Дело было не в том, что ему не нравились наши отношения, и даже не в какой-то недоброжелательности — хотя, несомненно, он находил их неподобающими. Просто моя сестра была ему больше по душе, чем собственная дочь.

Джун стояла рядом с мистером Харпером, когда тот пил послеполуденный чай и пересказывал ей новости, касающиеся войны и его профессии. Джун смешила его безобидными шутками по поводу прохожих на улочке возле дома. Джун чувствовала, когда ему нужно чуть-чуть выпить перед сном, чтобы успокоить нервы. Дочь точно так же не была ему ровней, как и жена — женщина намного ниже его не столько по положению, сколько по уму, болезненная и склонная к детским фантазиям. Поэтому Флоренс он избегал.

Что, если бы этим все и ограничилось? Возможно, Флоренс научилась бы бороться с ревностью, которая вела лишь к вспышкам гнева и оскорблениям, постоянно растущему аппетиту, целой коллекции недугов, которые злили и ужасали ее отца еще сильнее. Возможно, она даже научилась бы прощать его. Но если посмотреть на последовавшие события, на более глубокое описание внутренних демонов этого человека, станет ясно, что семья никак не могла оправиться от последствий его поступков.

Мистер Харпер, окружной землемер, все реже находил работу и все глубже залезал в долги. Откуда возьмутся правительственные ассигнования, если у правительства нет денег, да и вообще законных полномочий? Человек, чья жизнь строилась вокруг моделей и чисел, азимутов и расстояний, теперь лишился их, и по набухшим мешкам под глазами, по дрожащим рукам, в которых трепетала газета, по угрюмо-

му молчанию, ставшему его постоянным спутником, было видно, что прежняя жизнь исчезает у него на глазах. Возможно, вследствие этой боли, вследствие его собственных неудач в принимаемых им решениях появилась нотка безумия. Вероятно, он только осознавал, что жизнь в Батон-Руж подошла к концу и о ней лучше забыть. Война шла к концу, и его должность вообще попала под сокращение по мере того, как правительство Конфедерации медленно, но неизбежно двигалось к развалу. Однажды ранней весной настал день, когда в дверь постучал другой землевладелец и попросил о встрече с ним.

Дальше разговоры шли без посторонних на протяжении нескольких недель, но Джун передавала мне все, что слышала. Группа людей, опасавшихся возмездия со стороны северян, решила перебраться в Мексику, чтобы строить там жизнь в соответствии со своими убеждениями и при этом разбогатеть. Страна пребывала в неопределенности, мексиканцами правил монарх, поставленный французами. Оппозиция готовила восстание, и власть постоянно переходила из рук в руки между разными группировками. В образовавшемся вакууме люди, преследуемые в Соединенных Штатах, могли обрести свободу. Там они могли жить в соответствии с собственными желаниями. Посевы там росли с невероятной скоростью, и все эти плодородные земли требовалось разделить и нанести на карту для всех, кто рискнул отправиться в путешествие. Нужно было строить железные дороги, могли понадобиться и склады. До них дошли слухи, что французы могут заплатить за эти услуги. Разве он не учился на инженера? Разве это не кстати? Все это могло дать человеку вроде Уайатта Харпера столько работы, что ему больше ни одного дня не пришлось бы провести в праздности. Деньги можно было бы отправлять домой семье, пока работа не будет завершена. И каким-то

странным ходом мыслей, последним знаком своего несуразного увлечения мистер Харпер пришел к решению не только отправиться самому, но и забрать Джун служанкой во временный дом в глуши. Остальные должны были отправиться в Новый Орлеан в дом детства миссис Харпер, потому что поместье мистера Харпера в Батон-Руже предстояло продать для финансирования путешествия — эти деньги должны были поступить в общий котел, которым распоряжался капитан.

Помню, как сестра учила меня правильно накрывать на стол, вовремя сменять зимние шторы на летние, протирать пыль во всех уголках и закоулках дома. Ее щеки были мокры от слез, когда она любовно подшучивала над моими неудачами. Помню, как она собирала свой кофр и прихватила, будто бы незаметно, шапку, из которой я недавно вырос. Помню момент, когда мы выезжали в Новый Орлеан: я сидел на козлах и, обернувшись, увидел заплаканную миссис Харпер и ее дочь, словно придавленную горем матери, неприязнь отца, потерей дома детства, который она, возможно, никогда больше не увидит.

Так и вышло, что неприязнь Флоренс по отношению ко мне выглядела злостью не лично на меня, а на весь мир, который надменно отверг ее. Я был очевидцем, доверенным лицом, слугой, посвященным в ее глубочайшие тайны. В этой своей роли я научился принимать ее боль, несмотря на мою собственную. Если уж на то пошло, я ей завидовал. Открыто выражать свой гнев — привилегия. Которой я втайне желал и для себя.

И вот она стояла передо мной в парке, сияя в свете солнца, словно бриллиант под увеличительным стеклом ювелира. Оливер снова вертелся у моих ног, обнюхивал траву и глядел на меня пытливыми глазами. Хью осторожно стоял позади Флоренс, словно ее тень.

— Если вы настаиваете, — сказал я. — Я схожу за туфлями сам.

При этих словах Флоренс посмотрела на меня с состраданием победителя.

— Зайди за мной на обратном пути, — произнесла она. — Я прогуляюсь с тобой до дома.

Я похлопал себя по бедру, подзывая Оливера, и отправился за туфлями миссис Харпер.

* * *

Солнце сияло над головой, словно начищенный до блеска грош. Когда мы подходили к дому, молчание между мной и Флоренс стало уже настолько оглушительным, что было слышно, как на каждом шагу в коробке постукивали каблуками туфли миссис Харпер, словно с нами шел еще кто-то четвертый.

Кожа Флоренс блестела на жаре, щеки покраснели в тон цвету волос. Калитка к дому была закрыта, и я положил на нее ладонь, чтобы открыть, но Флоренс остановила меня.

— Подожди минутку. Пожалуйста, — попросила она.

Достаточно было одного взгляда поверх кирпичных ступенек, ведущих к парадной двери, чтобы увидеть раздвинутые шторы за оконными ставнями и убедиться, что миссис Харпер уже заметила наш приход. Она уже, наверное, отошла, спеша привести себя в порядок, чтобы встретить нас стоном, вцепившись в перила на лестнице и умоляя о помощи.

Флоренс, как и я, глянула в сторону дома, но секунды шли, а мы стояли, уставившись в землю, потом посмотрели друг другу в глаза, словно в молчании родилось извинение, бальзам, снявший возникшую между нами в парке неловкость.

— Зачем ты это делаешь? — тихо спросила она. — Зачем живешь здесь, заботишься о ней? Терпишь все это. Ты же свободен, Коулмен. И ты это знаешь. Она обязана тебя отпустить.

Это напомнило мне единственный случай, когда сестра просила меня оставить эту семью вместе с ней. Это произошло за неделю до ее отъезда с мистером Харпером, когда мы собирали его вещи, снова сидя вдвоем в подвале. Она коснулась моего запястья, и слова ее прозвучали тихо, взвешенно и с такой серьезностью, которая не часто случалась между нами. «Мы могли бы уехать, — сказала она. — Начать все заново. Подальше от них. Ты ведь понимаешь, да?» Я стоял перед ней с ящиком инструментов мистера Харпера в руках, и руки мои затряслись не от тяжести ноши, а от мысли о том, чтобы покинуть эту семью навсегда, о все растущей ненадежности моего положения, о жизни, имеющей хоть какую-то размеренность, к которой я стремился превыше всего.

— Мистер Харпер сказал, что вскоре пошлет за нами, — робко ответил я ей. — Ничего страшного, если мы подождем. Свобода ведь все равно найдет нас. Разве не так?

Ее ладонь соскользнула с моей руки, признавая поражение...

Джун никогда больше даже и не заикалась об этом, и даже когда я сам поднял этот вопрос спустя несколько дней, более открытый этой возможности, чем был поначалу, она больше не предлагала действовать. Полагаю, она лучше всех понимала, что в глубине души я трусил. Я боялся неизвестности. Так что ответ на вопрос Флоренс в этом смысле был ясен. Достаточно просто посмотреть по сторонам: этот дом, эта улица, Оливер, ждущий во дворе следующей порции еды или следующей прогулки. Больше у меня ничего не было, и больше я ничего не знал, и это не отлича-

лось от прежней жизни в Батон-Руже. Я не мог произнести этого вслух. Как близки бы мы ни были в прежней жизни, Флоренс оставалась моим работодателем. А я оставался прислугой ее матери.

— Вы и ваша матушка — хорошие женщины, — сказал я. — Она хорошо со мной обращается. И для меня честь воздавать добром за добро.

Флоренс рассмеялась, недоверчиво качая головой. Впервые за день ее голос прозвучал тепло:

— Давай мне туфли, Коулмен. Скажем ей, что ходили за ними вместе. Так ведь будет лучше?

— Спасибо, — ответил я, стараясь не выдавать охватившего меня облегчения. — Премного благодарен.

— Да, это уж наверняка, — сказала она, потом повторила: — Это уж наверняка.

Она с довольным видом посмотрела на содержимое коробки и кивком предложила мне идти домой. Оливер решил задержаться у калитки, и я взял его на руки. Когда мы входили в дом, он попытался лизнуть меня в лицо, и на миг я так отвлекся, что не заметил тишины и странной краткости последовавшего приветствия миссис Харпер.

— Сюда, — позвала она из гостиной.

К тому времени, когда я вошел, Флоренс уже поставила туфли на пристенный столик и стояла с зачарованным или, по крайней мере, удивленным видом. Миссис Харпер сидела на тахте. Напротив нее сидел мужчина, которого я видел на скамейке. Теперь он пил шерри из лучшего стекла в доме. Лоб его испещряли морщины, щеки — оспины, а макушка блестела, как отполированная. Следы вина на его губах казались кошунством, а когда мы вошли, он посмотрел на нас, словно мы представляли ему угрозу, и это выглядело так невоспитанно, что я сразу уловил в нем нечто темное, похожее на надвигающуюся тень.

Литературно-художественное издание / Эфеби-көркем басылым

НАТАН ХАРРИС

АМИТИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щеголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.08.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 22,54. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®.	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-55G-39662-01-R